

Михаил Петрович Арцыбашев

**Из дневника одного
покойника**



Михаил Петрович Арцыбашев

Из дневника одного покойника

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2848935

Аннотация

«Собственно говоря, это вовсе не дневник, а так, нечто вроде голоса из-под гробовой крышки, маленькие случайные заметки одного очень странного покойника... Странного уже потому, что странно, лежа в могиле, заниматься житейскими вопросами, да еще притом в такой явно легкомысленной форме. Тем более это неприлично, что вопросы отменной важности и такого отношения к себе вовсе не заслуживают...

Положим, все это сочинил я сам, но суть дела от этого нисколько не меняется...»

Михаил Петрович Арцыбашев Из дневника одного покойника

Собственно говоря, это вовсе не дневник, а так, нечто вроде голоса из-под гробовой крышки, маленькие случайные заметки одного очень странного покойника... Странного уже потому, что странно, лежа в могиле, заниматься житейскими вопросами, да еще притом в такой явно легкомысленной форме. Тем более это неприлично, что вопросы отменной важности и такого отношения к себе вовсе не заслуживают...

Положим, все это сочинил я сам, но суть дела от этого нисколько не меняется.

.....

Похоронили меня уже лет десять тому назад.

Мне даже приятно вспомнить о своей смерти, потому что смерть моя была не совсем обыкновенна, а нет ничего приятнее, как рассказывать необыкновенный случай из своей жизни. По крайней мере я положительно утверждаю, что ни любовь, ни искусство, ни подвиг не дают человеку такого полного, захватывающего наслаждения, какое он испытывает, рассказывая необыкновенный случай из своей жизни. А ес-

ли случай и в самом деле незаурядный и слушатели искренно поражены, то восторгу рассказчика нет границ!.. И глаза у него горят, и щеки пылают, и голос звучит с яркостью и силой необыкновенными... прямо на человека смотреть приятно!.. И тут уже все начинают рассказывать необыкновенные случаи из своей жизни, и все наперебой рассказывают, и все воодушевляются, – случается, и приврут, но это уж так естественно при большом-то воодушевлении!..

Да, так вот.

Умер я от несчастной любви.

Многим покажется, что это совсем не необыкновенный случай. Многие легкомысленные люди скажут, что очень много народа умирает от несчастной любви, и потому тут нет ничего достопримечательного... Но мне кажется, что это необыкновенный, даже больше, – просто-таки невероятный случай! По крайней мере, когда это случилось, я так и принял, как случай совершенно непонятный.

Надо только вдуматься: мне изменила женщина, которую я любил и которую осчастливил своею любовью. Она – та самая женщина, тело которой мне так нравилось, которая имела блаженство принадлежать мне, которая лучше всех знала все мои прекрасные душевные качества и интимные достоинства, мое остроумие, мой ум и мое явное превосходство над всеми. Она изменила не кому-нибудь другому, а мне, который... я не стану перечислять своих несомненных преимуществ... во-первых, я очень скромн, во-вторых, мне кажет-

ся, что это и так ясно, до очевидности, в-третьих, вы все сами знаете, насколько вы умнее, оригинальнее, достойнее и интереснее всех других людей...

Главное – интереснее... Ну, конечно, нельзя же не признать, что Мечников учение, что профессор Иванов более сведущ в некоторых вопросах, что Лев Толстой – талантливее... Можно согласиться даже с тем, что черты вашего лица неправильны и в фигуре есть некоторые недостатки... Конечно, вы прекрасно знаете свои недостатки и нисколько не пристрастны к себе самому, но все же нельзя отрицать, что в вас есть что-то такое, особенное... что ваши недостатки не так уж велики и, во всяком случае, имеют свое оправдание, и что в конечном итоге вы все-таки интереснее всех...

И вдруг вам изменяет именно та женщина, которой вы раскрыли все свои симпатичные и интереснейшие качества до самой глубины уже с самой полной и бескорыстной откровенностью!..

И изменяет с человеком, который, это уж несомненно, и глупее, и неинтереснее, хуже и, во всяком случае, бесконечно ничтожнее вас!

Это совершенно непонятно!.. Это выходит из всяких границ здравого смысла!.. Если это не считать необыкновенным случаем, то я уж и не знаю, право...

Ведь мало того, что изменяет, но и утверждает, что он – это форменное ничтожество, пошляк и развратник – и умнее, и занимательнее, и красивее, и лучше вас! И это та са-

мая женщина, которой, которая...

Этот непонятный, необыкновенный, совершенно необъяснимый случай совершенно выбил меня из колеи... И я решил застрелиться.

.....

Не буду рассказывать, как я упрекал эту ничтожную, как обличал ее в гаденькой похоти, как раскрыл всю ее душу проститутки, как остроумно и горько издевался над нею, как ярко и неотразимо доказывал всю отвратительность и пошлость ее поступка!.. Не буду описывать, как я ударил ее по щеке с целью вернуть к сознанию и возродить прежнюю любовь ко мне... Как я истерически хохотал, как проклинал жизнь и небо, как бился головой о стену, как просил и молил, надеясь, что хотя в этом моем унижении она увидит величие моей души!.. Не буду вспоминать, как я пытался картинками своего одиночества, заброшенности и обреченности тронуть ее и заставить понять, что единственное счастье для нее – именно в том, чтобы я не был таким маленьким, слабым и несчастным!..

К чему вспоминать!.. Эта развратная женщина, конечно, не поняла и не оценила ничего... Правда, она плакала, колебалась, даже готова была остаться и пробовала... даже отдавалась мне, когда я пытался с помощью своей страсти победить ее... Но дрянная натура взяла верх, – и она все-таки ушла к этому мерзавцу, пошляку и развратнику!..

Я только скажу, что несмотря на богатство своей природы

и величие души, когда я остался один в опустелой квартире, я пережил такой ужас одиночества и полной пустоты, что и теперь переворачиваюсь в гробу, когда вспомню...

Одним словом, я застрелился и вот уже десять лет лежу на кладбище.

Может быть, это очень тактично с моей стороны, но я должен признаться, что очень неприятно лежать на кладбище... Надеюсь, что не попорчу тайн мироздания, если скажу, что загробное мое существование так и ограничилось тьмой, сыростью, червями и разложением. Ничего такого особенного – ни рая, ни ада, ни какой-нибудь там нирваны, что ли, – здесь не оказалось... Вероятно, это где-нибудь в другом месте... Думаю, что непременно в другом, потому что не зря же столько почтенных и даже весьма достойных людей говорили, что это где-то есть... было бы очень странно и даже неприлично усомниться... Да, это, вероятно, в другом месте!.. А в могиле ничего этого нет.

Так-таки – ничего. Одна скука – и только!

Я, конечно, не протестую против тьмы, разложения и тому подобных совершенно неизбежных подробностей вечно-го успокоения. Во-первых, это закон природы, а во-вторых, в жизни приходится столько переносить всяких неприятностей, что, право, не стоит обращать внимания на такие пустяки!

Но скучно-о... до обалдения!

Делать решительно нечего... Конечно, можно было бы за-

няться наблюдениями над своим собственным разложением, но, во-первых, это очень некрасивое и неблагоприятное зрелище, а во-вторых, оно само собой и без всякого участия с вашей стороны делается.

Думать тоже не о чем... О чем думать, когда никаких потребностей и возможностей нет, когда от всяких случайностей вы уже навсегда застрахованы, и все идет по непреложному и очень остроумному закону...

Я слышал, что самое ужасное, это-угрызение совести... Но, ей-Богу, никаких угрызений совести у меня не было: если я что-нибудь и сделал дурного, но ведь столько существует моралей!.. И то, что, положим, по христианской морали есть несомненно зло, то по мусульманской – просто-таки долг каждого уважающего себя правоверного... Я думал, что здесь откроется хотя бы, какая из моралей есть истинная мораль, но вместо морали появились черви... Вместо угрызений совести они сами начали меня грызть и очень скоро сгрызли не только совесть, но даже и меня самого.

Остается вспоминать... Но вот, странное дело: при жизни казалось, что у меня свободной минуты нет, что у меня бездна переживаний, неприятностей, идей, мыслей, чувств, самых сложных и запутаннейших положений... мне не представлялось время, когда я еще не родился, и потому казалось, что целая вечность была наполнена моим существованием, моими важными, огромными, исключительными переживаниями... А тут вдруг оказалось, что и вспоминать-то

нечего... Так-таки совершенно нечего!

Все, что я вспоминал, оказывалось такой дрянью, с позволения сказать, что даже как-то неловко становилось... Ведь жил же я, чувствовал, мыслил, страдал и умер – все сделал, что может сделать человек... и вдруг вспоминать нечего... неловко!

Первое время я еще не верил этому и пытался придать важность различным деталям прошлого, но потом бросил эту бесплодную возню...

Именно бесплодность-то эта меня и сразила: хорошо вспоминать то, что к данному положению имеет какое-либо отношение, а то ведь стало чересчур ясно, что если бы я даже и ничего не делал, а всю жизнь пролежал на брюхе в болоте, то и тогда все произошло бы совершенно так же, как и сейчас: также бы меня закопали, также пришли бы черви и скушали меня, также было бы нечего делать и также я сгнил бы без всякого удовольствия.

Ну, кончил я университет, ну, узнал я много идей, ну, был сначала марксистом, а потом социал-революционером, ну, написал роман, и очень меня хвалила одна часть критики и очень ругала другая... ну, любил я женщин, и они меня любили, ну, очень усердно упражнялся кое в чем, с благочестием не имеющим ничего общего, ну, родил сына... Это все факты, а ценность где?

Одним словом, вспомнить было ровно нечего, а скучно до чертиков. Я даже пожалел, что нет этих самых чертиков: все-

таки поджаривали бы на сковородке, все-таки развлечение...

А тут еще, как самоубийцу, похоронили меня в самом отдаленном углу кладбища. Соседей нет, наблюдать нечего... Осенью, когда начнет ветер деревьями шуметь, так тошно становится!..

Только и удовольствия, что в пустом черепе пулей пота-рахтишь иногда, да вот, когда отвалилась левая нога, сделал из кости свистульку и под аккомпанемент ветра марсельезу насвистываю...

При жизни я был ярым революционером и твердо запомнил этот мотивчик... очень хороший, бодрящий мотивчик!..

.....

Кажется, жизнь на земле продолжалась своим чередом, потому что кладбище заселялось с поразительной быстротой. Уже не было никакой возможности оградить достойных уважения покойников от такого пустого, легкомысленного и развратного мертвеца, каким, в качестве самоубийцы, был я.

Откровенно говоря, против такой аттестации я даже не протестую: конечно, раз я не боролся за жизнь и по одному такому совершенно ничтожному обстоятельству, как то, что она мне осточертела до тошноты, покончил с собой, то я – человек малодушный... раз я даже и после смерти не увидел в величественном акте разложения никакой мистической сущности и, пав, не преклонился, то ясно – пустой я человек... а если мне доставляет удовольствие за гробом признаваться в таких вещах, о которых порядочные люди да-

же и при жизни стыдливо умалчивают, то – развращенный я человек, достойный презрения человек – и вполне заслужил свое место в уголке, возле канавы, в которую хозяйки пригорода сливают помои.

Но, повторяю, кладбище заселялось, и с каждой неделей, если не днем, все громче доносились ко мне хриплые голоса отпевающих и характерный скрежет лопат о камни и корни деревьев. И, наконец, в один прекрасный вечер, не далее, как шагах в десяти от места моего вечного успокоения, я услышал позвякивание лопат и внушительную перебранку могильщиков, которым, по-видимому, порядочно-таки надоело хоронить своих ближних.

Смею вас уверить, что эти первые человеческие слова, которые я услышал после десятилетнего кладбищенского молчания, не произвели на меня особо радостного впечатления.

Но все-таки я целую ночь находился в чрезвычайном волнении. Не скажу, что у меня расходились нервы, потому что нервов у меня давно уже не было, но нечто подобное я ощущал... Каков будет сосед, удастся ли сохранить с ним отношения приятные или нельзя ли будет изобрести совместных легоньких развлечений?.. А вдруг – дама?.. Одним словом, до самого рассвета я прислушивался к каждому звуку со стороны и буквально сгорал от нетерпения... Это очень простиительно: человек уж так устроен, что при всем своем полном неуважении к себе подобным, все-таки жить без них не может... Не перевариваем мы одиночества!.. Должно быть, это

именно потому, что и созданы мы, чтобы, так сказать, разделить некое Великое Одиночество.

Припомню, единственно для литературности, что множество знаменитых писателей сделало себе карьеру именно, с одной стороны, воспевая красоту гордого одиночества и презрения к пошлой толпе, а с другой стороны, – делая из этого самого одиночества величайшую трагедию. Это, впрочем, доказывает только их остроумие и дар к комбинациям самого неожиданного свойства – больше ничего.

Ночь тянулась неимоверно долго. С тех пор, как я умер, я окончательно убедился, что человеку отпущено слишком много времени. От скуки я пытался заняться чем-нибудь – погрохотал пулей, прочистил запылившиеся глазные впадины, смел в уголок гроба лишний прах, несколько раз просвистал марсельезу.

Наконец настал день, и я услышал отдаленное приветственное звяканье погребальных колоколов.

– Несут, несут? – в величайшей ажитации воскликнул я и даже подпрыгнул от радости, причём с горечью убедился, что ничего нет прочного не только на земле, но и под землей: мне становилось, уже трудно сохранить в порядке свои кости... Это навело меня на грустные размышления.

– Чего доброго, перепутаешь когда-нибудь и вместо тазовой кости приставишь свой собственный череп. Пока все на своем месте, еще ничего, а рассыплется, и черт его разберет, что к чему. А ведь я столько лет все же хранил в этом черепе

бессмертный дух и так гордился им. Да и в случае воскресения мертвых выйдет неприлично. Еще примут за намек: многие ведь и при жизни не совсем ясно отдают себе отчет, где у них голова и где, собственно, этот бессмертный дух помещается.

Звон продолжался. Послышалось монотонное похоронное пение и тяжелые шаги несущих.

Не буду, впрочем, описывать похорон: во-первых, это во-все и не так весело, во-вторых, в достаточной мере глупо, а в-третьих, вы сами своевременно это удовольствие испытаете, за это я вам ручаюсь, уж будьте благонадежны!

.....

Прошло несколько дней, и я с горечью понял, что обманулся в своих расчетах: из соседней могилы не доносилось ни единого звука... так-таки ровнешенько ничего!.. Можно было подумать, что вместо порядочного бессмертного покойника там зарыли обыкновенное березовое полено.

А покаяться... хотя при жизни я и слыл атеистом и с гордостью это утверждал, маленькая, этак совсем крохотная надежда на бессмертие у меня была... все-таки была!.. А тут уже окончательно стало ясно, что покойники, покончив свои расчеты с жизнью, лежат себе смирнехонько и гниют потихонечку, не доставляя удовольствия ни себе, ни другим.

Вид у них, может быть, и очень загадочный, но положение самое, глупое.

Мне даже стало досадно: так приятно было, глядя в стро-

гое, исполненной, тайны, лицо какого-нибудь умершего Ивана Ивановича, произносить с видом глубочайшего, проникновения:

– Он уже узнал что-то, чего мы, живые, никогда не узнаем!..

И вдруг оказывается, что ровно, ничего, Иван Иванович не узнал. Обидно!.. За поэзию обидно!

Лежит и молчит.

И тут-то мне в первый раз пришло в голову, что по каким-то там неизвестным законам природы, а может быть, именно вопреки всем законам я из общей! мерки выскочил и покойник я не совсем обыкновенный.

А раз выскочил, то нечего мне с этими законами природы и считаться. Я решил действовать без всякого стеснения и выскочил из гроба.

Не прошло и двух минут, как я уже сидел на крышке гроба моего соседа и болтал ногой. Передо мной в молчании лежал труп.

Это был маленький, сухонький старичок, в чопорном черном сюртуке, правда, немного потертом по швам, но все же вполне приличном. Лежал он, как полагается всякому уважающему себя покойнику, очень чинно, в традиционной позе, скрестив руки на груди и смежив глаза.

Я посидел, посмотрел. В гробу пахло еще не сыростью и гнилью, а просто новыми, свежеструганными досками и цветами, которые еще не совсем завяли. Было очень обыкновен-

но и рассчитано, очевидно, на долгое время. Я отправился разочарованный домой, взял свою свистульку и часа два, не переводя духа, свистел марсельезу в весьма, впрочем, меланхолическом тоне.

Решил было не обращать на моего соседа, как на человека, обманувшего мои ожидания, никакого внимания, но неприятности преследуют человека даже и за гробом... то есть я не могу утверждать, что «за гробом», а в гробу – да...

У моего соседа оказалась жена.

И вот однажды, лежу я себе в могиле, от скуки пошевеливая перстами, и вдруг слышу где-то очень близко что-то очень тоненькое, жалостное, точно комар звенит или муха в паутине плачет... Прислушался... Верно, плачет... но не муха!.. Мгновенно я вылез из гроба, присел за бугорок и вижу...

Сидит на могилке моего старичка маленькая седенькая старушонка, открытыми глазами смотрит на могилу, и слезы текут, и причитает она так жалостно, что я заплакал бы, если бы было чем.

Ах, как хорошо, что люди после смерти не могут плакать!

Причитает она о том, как прожили они вместе долгую, тяжелую жизнь, деля и радости, и горе, как тихим, ровным светом любви к нему было согрето ее преданное старое сердце, какой одинокой, никому не нужной, всеми забытой осталась она.

Она напоминала ему, точно он еще мог слышать ее, всю

их жизнь, и это была целая поэма. Признаюсь, я заслушался. Как вы уже знаете, в своей жизни я насчет любви нельзя сказать, чтобы прошел удачно, а здесь я узнал, что бывает любовь, действительно сильнее смерти, – раз и навсегда. Ей-Богу, слушая эту старушку с седыми волосами, я видел ее и его, который теперь смиренно лежал, сложив руки на груди, молодыми, полными сил и радости жизни. Было время, когда радостно просило ласки ее молодое тело, и любви ждала нежная, чистая душа, а от желания горели его глаза и напрягались все мускулы с такой силой, что, казалось, мир перевернуть можно. Были лунные вечера, запахи белой акации, жуткая страстная игра лунного света в темных чашах садов. Где-то пели соловьи, как полагается во всех романах, и заря, розовая от радости нового дня, заставляла их, пьяных от страсти и нежности, на росистой траве. Были потом хорошие зимние вечера трудовой общей жизни. Боже, как гордилась она его успехом в литературе (тут я узнал, что мой почтенный сосед был писателем), как дорожила каждой его мыслью, каждым его словом. Его работа была ее работой, они вместе переживали и восторги, и муки творчества. И не было в их жизни ни тогда, когда она была стройной, гибкой девушкой, ни тогда, когда пополнело и развилось ее роскошное тело, ни тогда, когда оно сияло последней осенней красотой, – не было ни желания, ни надобности, ни мысли об измене... Ах, это была настоящая любовь!.. Та любовь, о которой мечтают люди!..

Я ушел в могилу удивленный и грустный... Почему мне не

выпало на долю такое счастье?.. Я готов был весьма и весьма претендовать на Создателя!

И вот пошло время... Каждый день она приходила на могилу и плакала, и рассказывала о прошлой жизни... Могилка мужа осталась для нее святыней, единственной радостью и смыслом ее осиротевшей жизни... Целыми часами я принужден был слушать ее тихое, чуть слышное причитывание. Она жила только его памятью. То, что делалось на земле после его смерти, проходило мимо нее, она вся была в прошлом, только с ним, только в нем!

Я слышал, как, прикинув головой к земле, она шептала покойному ласковые слова, полные такой любви, нежности и даже страсти, каких и живому не услышать... Слышал, как, уходя поздно вечером, – когда за оградой кладбища уже горела мрачно красная полоса заката и ветер гнул молчаливые верхушки кладбищенских тополей, она прощалась с ним и плакала о том, что он один остается здесь, на кладбище, в страхе и холоде темной осенней ночи...

Я, конечно, не художник и всего не могу передать, но клянусь чем хотите, что эта маленькая старушка, одинокая во всем мире, со* своей огромной, вечной любовью, производила потрясающее впечатление и будила во мне смутное, тогда еще не выяснившееся сомнение в правильности своих выводов!..

Ах, как грустно было слушать ее всхлипывания, ее иступленные молитвы, ее ласковые слова в тишине кладби-

ща, над морем могильных холмов и грудами человеческих костей...

А дни шли. Началась тоскливая пасмурная осень; целый день моросил и шуршал опавшими листьями бесконечный дождь. А старушка неизменно приходила и часами сидела на родной могиле, вся мокрая от дождя, убогая, жалкая и трогательная до слез.

А там, в могиле, уже совершался неизбежный процесс: понемногу отсырел и прилип к телу старый сюртук, сползла в зеленоватой массе гноя непрочная маска человеческого лица, тяжело и туго стоял в тесном ящике сладковатый страшный трупный запах и оседал на подгнившие доски гроба мутными каплями, как пар в бане...

Старушка ходила, плакала и шептала любовные слова...

Потом пришла зима, белая добрая зима, остановившая гниение в могилах и прикрывшая всех нас, бедных мертвецов, пушистым, белым, как невинность, одеялом. Днем качались на гибких кустах красногрудые снегири и пушистыми зелеными комочками падали на снег и взлетали на деревья проворные, безгласные синички... Черные кресты надели пышные белые шапки... Ночью в черном небе сияли и горели морозные звезды и блесстел мириадами голубых искорок чистый крепкий снег. Какая недосыгаемая вышина-это ночное морозное небо!..

И все ходила старушка и, дрожа от мороза в своей старой шубке, все плакала о том, что никогда не увидит она мужа,

никогда не пригреет, не приласкает его, и лежит он один, в одном сюртуке в промерзлой земле.

По совести сказать, там уже не было ни дорогого покойника, ни сюртука... одна прогнившая и замерзшая дрянь – и больше ничего. Но с моей стороны было бы, пожалуй, жестоко намекнуть ей на это.

И опять пришла весна. Боже мой, как полезли из могил бойко зеленые Стебельки весенней травы. Кладбище засмелось и обрадовалось. Наверху пахло травой и молодыми клейкими листочками, и весело дрались на могилах бойкие воробы...

Но в могиле от тепла разогревшейся, разнежившейся земли пошло такое поразительное брожение, что с каждым днем я не узнавал трупа. Теперь из рукавов сюртука уже торчали только кости рук... череп уже начал понемногу, точно привыкая, улыбаться, во тьму...

А над могилой все плакала и убивалась, тоскуя, одинокая, покинутая старушка.

И она поколебала меня.

«Черт возьми, – думал я по, ночам, – не может же быть, чтобы такая страшная сила так-таки и ушла в пустоту!.. Какой смысл был бы тогда в ее существовании?.. Этого не может быть!»

И уже сам того не замечая, а потом и сознательно я ждал того момента, когда умрет, наконец, и старушка и свидится она со своим верным мужем!.. Боже мой, как страстно

и нетерпеливо ждала она сама этого блаженного момента... С какой глубокой верой в эту встречу ждала!.. Как радости неизреченной, как избавления!.. И как радовалась она, что слабеют силы, что тускнеют глаза, что тише и тише бьется старое, любящее, столько страдавшее сердце...

– Подожди еще немного, милый, милый мой!.. – шептала она, как любовница, назначающая свидания... – Скоро, скоро я приду к тебе!.. Ты не забыл меня? Не забыл своей маленькой жены?.. Скоро, скоро увидимся!.. Теперь уже скоро!..

И она таяла на моих глазах, как свечка, но именно как свечка, – вся светясь тихой радостью и блаженным ожиданием!..

.....

Пришла годовщина смерти... И вдруг я услышал что-то новое. Сначала я даже не понял, только потом уразумел: видите ли, до сих пор, вспоминая мужа, она каждый день припоминала, что именно в этот день, год тому назад, делал он... Так живо и ярко рисовалось ей все, так отчетливо, как святыню, Сохранила память всякую подробность, что она как будто бы видела его живым и говорила с ним, как с живым... Но год прошел, и теперь, когда она старалась припомнить, вспоминалось, что в этот день, год тому назад, его уже не было... Не было так же, как нет и теперь... Что-то оборвалось... вскрылась последняя и уже окончательная пустота...

Жить было уже нечем окончательно, и я понял, что теперь

она уже скоро должна умереть, ибо оборвалась последняя ниточка, хотя бы и только воображаемая, но связывающая ее с землей... Дальнейшее ее существование уже было бы бессмыслицей полной... До этого момента она жила, как живая память об умершем... Теперь все было кончено, и нечего было больше хранить.

И вот однажды старушка не пришла... И день, и другой, и третий ее не было...

.....

Похоронили ее рядом с мужем, не далее как в двух шагах... И когда удалились немногие провожатые и затихли в глубине кладбища их равнодушные шаги, я стремительно вылез из гроба и опрометью кинулся туда...

Момент наступил, мне хотелось присутствовать при встрече... В это время, очень может быть, я уже верил, что встреча будет... Я не хотел пропустить этого величественного, все объясняющего и все примиряющего момента, чтобы в сиянии вечной радости, в бесконечном умилении перед высшей Мудростью и Благостью, восторженно и самозабвенно вместе со всем миром возопить: Осанна!..

Это был момент потрясающий!.. Я уже чувствовал приближение восторга, который сотрясет землю и небо!..

.....

Старушка лежала в новеньком гробу, маленькая, чистенькая, прибранная, даже и в смерти сохранившая выражение величайшей радости, точно осиянная неким тихим све-

том изнутри... Немного только крышкой гроба ей придавило нос... Но помню, что в тот момент я этой совершенно неуместной подробности не заметил... Я весь дрожал от предвкушения, я горел и готов был завопить «осанну» прежде времени...

Хорошо, что не поторопился...

Старушка лежала смиренно, блаженно взирая на крышку гроба, придавившую ей нос... А рядом в могиле лежал также смиренно маленький желтый скелетик и глуповато улыбался желтым черепом во тьму...

.....

Ничего...

.....

Скелетик стал разваливаться... Старушка уже сильно припахивает...

.....

От скелетика осталась кучка рассыпавшихся костей... Рядом лежит другой чистенький, новенький скелетик и тоже улыбается... Мне начинает казаться, что «осанну» вряд ли придется вопить, и потому...

..... От автора

Нет, я не могу продолжать в этом тоне!.. Он издевается, он явно издевается над всем, что у нас есть самого святого и дорогого!